

Том Бэгги

Нумерация. [Пособие по жонглёрству]

Альтернативное обуздание "жонглёрства"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Том Бэгги

Нумерация. Пособие

по жонглёрству

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42183692

SelfPub; 2019

Аннотация

Лабиринт из личностей, куда попадает не всякий. Клубки, подсказывающие выход на свет, съёжились от страха в углах путаницы. Помощников больше нет. И выход лишь один из этой гнусной колыбели путей – захлопнуть вкладку с книгой сейчас! Сумасшествие одного человека, на большее не рассчитывайте. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Урок №1.

Приветствую на курсах среднестатистического “ученика/цы”. Меня зовут Ф. Приступим. Берём один мяч, (можете носок в носок закрутить или воздушный шар накачать любой твёрдой крупой, рецепт в покровительственном интернете найдёте, в общем, без разницы, чем кидаться, лишь бы удобно было). Ровно встаём, раздвигаем немного ноги, голову чуть запрокидываем, руки согнуты в локтях, параллельны друг дружке, но не под ровным углом, а как равносторонние стороны трапеции, ладошки чешут твёрдый волос на брюшке мужика. Подкидываем из ладони в ладонь мяч, высоту броска над головой соблюдаем не менее двадцати сантиметров, (можно и тридцать, и сорок, и так далее, главное, чтобы не слишком низко). Не играйтесь со снарядом, как кошка с клубком. Важно добиться не того, чтобы мяч не упал на пол, а достигнуть самого безукоризненного процесса перекидывания из руки в руку. Почувствуйте мяч, высоту, само совершаемое действие. Делаем это упражнение до тех пор, пока оно не станет вами. И все описываемые движения вы не начнёте делать с комфортом. Инструкции даны. Продолжим на следующем занятии.

Рождение.

Эту сказку я посвящаю вашим детям, что укутались в тёплые одеяльные кожи. Вычитывая своему чаду пособие по жонглёрству, вы обрекаете их на однотипные поступки, которые проявятся в виде – уставившихся округлённых миндалинов, что произносят своим взглядом, – «Папа, ты ебанулся?», кучи кровавых ошмётков польётся из их молочных ушек, наполненных серой и благочестием. Эту сказку я посвящаю вам, окрепшим умам, загородившимся, чем только под руку попадётся. Всасывая выстроенные предложения, вы корчитесь от съеденной блевоты, ковыряясь на полу в собственной; царапаете мочки в попытках найти имплант и убедиться в том, что где-то вы уже видели подобное. «ДА!» – заявляю я, это очередная отвратительная и непонятно написанная книга, число которых перевалило за девятую тысячу. Эту сказку я посвящаю вашим питомцам, которые ждут, пока вы возьмёте ошейник в руки, оденете их и выйдете на прогулку, дабы они смогли опустошить кишечник, переполненный фекалиями, вместе с пузырьём, ноющим о срочном желании поссать. Эту сказку я посвящаю вашим старческим мамочкам и папочкам, что заперлись в навязанных годами всеобщими убеждениями и идеологией. Эту сказку я посвящаю себе, чей номер из десяти цифр выбит на бумаге и заламинирован в подарочную обёртку. Я буду заниматься с этой Написью сексом, буду трахать и трахать её, пока мой мозг не выплюнет сам себя в туалетный водоворот. Но Пособие по жонглёрству даст вам несколько обещаний, чтобы вы смог-

ли не беспокоиться о ближайшем будущем на этих строках произведения. Первое – здесь не появятся пируэты, описывающие страстный, грубый, первый, нежный секс; нет, этого у меня не найти, я признаюсь, что пытался воспроизвести нечто похожее в предыдущем творении, но быстро поняв, что это не моё, я уничтожаю графу ТРАХ. [Ложная шутка?] Самому же читать Написи других альтернативщиков, у которых секс является обязательной частью программы, чередующийся через главу, а у некоторых повторяющийся каждую, становится просто не интересно бегать из угла в угол по насущным причиндалам героев и сочным отверстиям героинь. Второе – ТРАХ заменяется безысходностью, что прослеживается везде, где приглядеться, это мой ТРАХ, который не удалить. И идите в пизду ёбанный свет! Поняли, да?

Такое может написать почти каждый, поэтому пролистав мои страницы и сказав, – «Бред», я повторяю точь-в-точь это слово, закрывая финальную крышку вашей футуристичной Написи. Не нравится «Бред»? – читайте Хемингуэя, Ремарка, Толстого, Бальзака, Тургенева и подобных, а хотите окунуться в собственные и чужие отходы, вперемешку с кучами дерьма, гниющими на соседнем солнышке, потерей сюжетных тропинок, в которых автор и сам заплутал – добро пожаловать в «Бред»!

«Мат БезСекс Бессмысленность И Всё остальное». Название №2.

Как сгусткоскорчившийся лик съел червоточину бурля-

щего рокота. Альтернативная поэма с ГОС знаком – «Пошёл на хуй».

Приятного аппетита, не опрокинь кружку с напитком!

Пятифутовое полотнище одного Первого:

Судорожный протез ирландского мрака водружался на Олимп таблеточных, – «Блять, опять выронил».

Ровные таблоиды указывали путь сквозь самый узкий прокол ногтевого диска стародохлого вожделенца. Обряды Ку-клукс-кланов проводились прямо возле карусели на детской площадке. Тошнотные массы изучались махом ножевого изреза, кусочки переработанной курицы не синхронизировались до конца, опыты в полевых условиях, не лёгкая жизнь “разумного” клана.

Раскуроченный демон-турист в проходной нескончаемого облака с метановой зеленью. Корзинное смятие вещает животными хвостодатчиками. Знающие знают, не знающие думают, что знают. Думательные извращенцы – поклонители жёсткой содомии со сладкими персиковыми кубами внутри. Мокрые эксгуматоры из папье-маше привозят очередных эмигрантов, всеобщая глаукома или просто умопомешательство? Выкрики сродни безмолвию капли дождя, падающей на почвенные трупы.

Повозки набитые файлами, отвозят полицейскому правосудию на честный чеснок, поделенный на нечестные доли. Гашишные формокопы в поисках; попытки выманить пару

сотен портретов из мимолётного Бутылочного.

Расщепляться на атомы приятнее с нашим чудо-пивом!
– Реклама.

Плацебные люди раскисляются в потоках Шаньхайских улочек. Вниз до первого пролёта, а там посмотрим. Рассказ без сказателя, вот так современная диковинка, хлопки высушенных ладоней. Пальцевыжимающие с видом элит-проститутки продаются за бабло вымышленной тени. Загрязнённые профили перебиваются в заброшенных кварталах. Живительное благословение никак не сходит, сексы тёплых ветров рубятся большим томагавком БДСМа. Высер зеркальных правил щекотливой общественности, сдуваемый пепельным выдохом белой дыры. Вылезающая наружу квинтэссенция загнивает во ртах-головах метровых глистов, не дожидаясь своего полного выхода.

Мясные скоросшиватели нового века раздуваются конфликтными дискуссиями. Подвыпитое чреслобесие ползёт змеиной походкой, сами знаете куда.

Чистый скептик с бесполезной целью, наросты счастливой Жизни? Полнометражные треки врезаются в эмоциональность грустного предсна. Порванные лобки забыты обычным душем. Окаменевшие горсти костей, захороненные на верхнем слое, и где же тут мозговая деятельность?

Растущие экземы полярных зим, вечные льды холодного солнцестояния, где время останавливает смерть и та теряет свои полномочия. Кбайтные жилы, смельчаки ширяются

правонарушениями. Забой улиток, ничтожно-тупые звери с одним лишь выходом, ввести себе краторную аннигиляцию, луковые кольца орбит, где мы, там склад потерянных мишек. Надругательство над селекционным Хлебом.

На волосатой коленке проклёвываются клубки розовых кишок, скользкие подкожные трубы пульсируют в такт единому сердцебиению, приподнятые ставни люкозрачков пропускают плоские вещицы, втягивая их в себя, словно чёрные дыры с бездонным хранилищем под всеразличный хлам. Маленькая сыпь с горками родного-близкого гноя рассыпается в разные части кожи, лопающиеся головки орошают дождём туловище жёлто-набухшим наполнителем. Волосистая трава питается жизненной энергией, проходящей по всей дышащей поверхности, оставляя на своём месте след из множества отверстий. Кровопускание высвобождает запертые эритроциты напрямик в канализационные воды с ногтями и дерьмом внутри. Мочеиспускательные каналы накладываются на свежие шрамы изрисованной груди, почерневшая кожа вокруг проделанных металлом блаженных отверстий приятно постанывает. Аммиачный запах в анусе проносится насквозь фармацевтической схемы и бьёт кулаком из ноздрей среднего греческого носа.

Спасибо, КОНЧИЛ в простыню.

Я знаю, что ты подумала, когда чихнула два раза; знаю, о чём промелькнула мысль, когда ты получила нежеланную неприятность на свои электрические угри; знаю, что ты ду-

маешь, когда стоишь в мертвецки тихом лифте с биомясом; знаю, как ты реагируешь на полученные деньги; знаю, что ты думаешь, когда к тебе пристаёт нелицеприятный мужчина; знаю, что ты думаешь, смотря на неё в отражающий кусок материи; знаю, что ты подумала, проходя мимо меня, держащему открытую бутылку виски и неровно идущему по дороге; читаю твои мысли, когда находишься в грязном, забитом людьми контейнере из под обеда. Симптом хрючного телепата, личность, погребённая за фантастичной энергопередачей чужого мяса.

Трасса 1. Дополнение к картине Первого:

Теперь я узрел истину разводов на окрашенном потолке. Сообщение с посланием самоубийства я оставляю себе, стоя на вершине крутой горы, жонглируя на одной ноге четырьмя мячами прожитого, в носоглотке жжётся амфетамин, гонюсь вниз за снарядом, нарушившим долгоиграющие паттерны, лечу из поднебесья в самый закрутень трёхмерных сплетений. И Оставил после себя пятно на кротовом и мышинном земляном потолке, теперь-то я понимаю, теперь-то, Да!

«Услады мостят оттоки. Кто нужен мёртвым, следуй».
[Хэвок].

Лёжа на низеньком матрасе, я выпучиваюсь в ограниченную высь, под мотивы ведьмака давлю комаров, севших мне на бицепсы, втираю их вампирные души прямо в язвенную кожу, сочащиеся споры мертвяков выдуваются сквоз-

ным ветерком, треплющим комариные крылышки на руках. Закрывать глазные усталости и поддаваться мелодиям опиатов, играть прекрасная музыка, не останавливайся, я здесь надолго, но ты меня переживёшь. Целую набухшие, как возбуждённый клитор, вены. Временной коллапс запускает свои пальцы глубоко в протоки кровотока, адская боль пронизывает всё, от дальнего кончика мозга и до ножной подногтевой прослойки для иголок. Вырвавшиеся возгласы в переплёте со шкрябаньем по изогнутым батареям. Неся дисфункцию молний, он падает в отважный склеп, усыпанный белыми, чуть потёртыми, по канонам хуёвого сечения, саркофагами. Пальцы в венах наматывают терпение на пятый бис, глина забивает внутренние повреждения, сон с капустой на сиськах, угрожающие молчанкой маски доели собственного предводителя, – «Полезай, дружок, всё готово!»

Вход на дорогу.

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Глава VII. Кто есть Кто?

-И начхать мне на кого угодно и что угодно, сегодня я пропиталась дхьяном, сегодня я крутая! – Личность номер 7.

Прозрачно-голубая труба, скользкая и шевелящаяся, перебивает мне осеннюю дорогу. Я приковываюсь к трубчатому взгляду. То ли распрямившаяся кишка, высвобожден-

ная от ярлыка – орган, и дышащая, наконец, кислород, то ли гигантский глист, питавшийся живыми животными, то ли моё отражение в зеркальной луже из листьев, то ли Бог.

–Кто ты? – Оно так и затягивает в себя вопросы с удивительностью всего сущего.

В ответ незнакомка или незнакомец поёрзал или поёрзала, издав глухое клокотание, будто бы из дальней комнаты на втором этаже психлечебницы, которую наводнили истории и басни.

–Тебе плохо? – Ярче! Души липкие пристали к соскам отвердевшим. По туловищу проскользнула секс-скованность.

Оно было не пластичным, словно не в своём ареоле обитания. Первое пришло в голову – *Отнесу к воде*, почему я решила, что оно морское создание? Думаю, потому как оно смахивало на нечто глубинное, загадочное, доселе неизвестное человеческому учёному. Но как мне поднять такую тушу одной? Неподалёку от всего происходящего, у меня был припаркован самый обычный седан. Быстро смекнув, что я давно хотела кабриолет, тронулась в ближайшую мастерскую к грязным мужикам с сигаретами. Сняли мне, значит, крышу болгаркой, посмотрев довольно странными глазами. Проводили зрачками задние фары моей новооболочной тачки. Четыре штыка вонзались в электрические работы проезжающих и проходящих мимо несущегося кабрика. Заднее стекло благополучно сняли и сквозняк трепал вкусно-пахнущие

волосы, приманивая мозги мужского пола и лесбийские половые кудри. Прибыв на место к своему Непонятному, откидываю задние кресла, принимаюсь по частям закидывать его или её в машину. Ближе к концу и отдыху моей спины, тепло оно покрывается биолюминесцентными кругами, похожими на круги синекольчатых осьминогов. Словно электрические конфорки плиты, вспыхнула яркой краской вечерняя округа. Страх напрочь отступил от сжавшихся сосков прохладного ветерка. Тепло этого тепла гипнотизировало, уводя меня за руку в свои вибрирующие кольца диковинных познаний и опиоидного блага. Я повалилась на его или её уже запиханную часть в машину. Ух.

Ковыряться в волосатой или безволосой жопе; вытащить пару козляков, скатать их в комки и выбросить; нюхать пальцы, пропитанные луковым соком вѣзшимся в вашу кожу; грызть ногтевые пластины; ковырять голову, а затем закинуться отгрызанной кожей; впустить запах яйчат себе в нос; всё, что угодно, рассказывай прямо здесь и сейчас, уставившись на эти строки, мне-то плевать, я-то уже гнию, а тебе необходимо поделиться похожими церемониями хоть с кем-то.

Глава V.

Год за годом, чернь за обелисками мглы, апостолы варя-

щие человечьи умы. Растянутые нитками лица на бубнах сожжены, трава иссохлась. Эгго вступает на новую территорию закона. Цитрамон П по сниженной цене с примесью кокаинового обезбола. Прохлада, навеянная угрюмостью и пеликаньими мордами, ощущается на кровле под именем – Кожа.

–Мать моя отец, надо было кофту надеть. – Эгго впитался в себя, уменьшившись в два раза, где кости болтались, а челюсть дребезжала карликовой дрелью.

Погода сегодня не удивила ничем новеньким. Эгго знал. Он развернул пачку чипсов со вкусом крабов выловленных на солнечных берегах Крабабаобах. Затем вывернул пачку наизнанку и одел жирной стороной её себе на кулак, воплощая в себе личность номер 5, которая служила мальчиком в кепке, и его работа состояла – засовывать плавающий кулак, намазанный пальмовыми маслами, в разные виды отверстий, подходивших по размерам вторгнувшегося. Большинство невостребованных чипсин пали на высохший асфальт надоевшего всем и вся мегаполиса.

–Раз труба!

–Два труба!

–Три скамейка!

Эгго, номер 5 пересчитывал свои спрятанные секреты, фотографируя на смартфон место и делая пометку координат, дабы другие мальчики и девочки в кепках знали месторасположение секрета с крабовым запахом.

–Семь скамейка!

–Восемь дерево!

Увлечение, требующее постоянства в пунктах – сохранение бдительности и параноидального зелья.

Сальные локоны висли на скрученной, произвольной петле. Расположившись вечером на мягком кресле квартирного комфорта, держа в руке оранжевую баночку пива, Эгго листал на ноутбуке интересующие его многогранный лик: новости, новую музыку, рисунки, вырезки статей, прочую информацию. Черпая свежий поток, он преобразовывался, добавлял ещё один виток в свой “полноценно-сформировавшийся” номер.

Вертелась плёнка в фотоаппарате, совсем рядом, совсем близко:

Неграмотный Экстремист. Кириш в стекло простаивающей тачки; занюхать смертельную дозу порошка и запить водочной настойкой; душить шею до полного гогота захлёба; прыгать по крышам спящих машин подле панельных домов; многократно пить до отключения печёночных и почечных работ; залезть на битумную крышу и блуждать по краю многоэтажного строения; дать отсосать член незнакомцу; дать отсосать член в лифте знакомцу; мечтать; планирование схематического будущего; мыслить вакханальным полушарием; утонуть в собственной блевоте; прочувствовать вземную оторванность без препаратов. Всё сделано к восемнадцати, можно аметист, помещённый в растопленный воском героин, попробовать?

Урок №2.

Неплохо, ты добрался до двойки, не потеряв синей страсти. Давай, повтори пройденный материал и перейдём к следующей ступени. Ладно, хер с тобой. Итак, бери в другую ладонь второй мяч, ладони чешут волос привлекательной дамы. Итоговая цель упражнения такова, чтобы мяч из правой руки, переключался в левую, следовательно, мяч из левой в правую руку. Для этого подбрасываем ПМ (правый мяч) в сторону ЛР (левая рука), когда тот достигнет максимальной вершины, выбрасываем ЛМ (левый мяч) в ПР (правая рука), сохраняя при этом минимальную высоту броска. (Мячи должны пролетать друг под дружкой, дабы не случилось их столкновения в полёте). Чередуйте начальную точку выброса, выбросили ПМ-ЛР-ЛМ-ПР, дальше начните с ЛМ-ПР-ПМ-ЛР, достигните такой отметки, чтобы паттерны выполнялись без заминок. Сразу, естественно, ничего не даётся (за редким исключением хуесосов), уделить этому уроку часов 5-6 (с любыми отрезками перерывов), я думаю, будет достаточно для вас. Не хочу есть. Соковыжималка, как объект суицида. Одеваюсь на свалке в крутой антиквариат, кормлюсь сигаретами, не пью воду, **СОВСЕМ НЕ ПЬЮ ВОДУ!**

Глава III.

Кормушка, наполненная галлюциногенами, всегда радовала взор номера 3. Чтобы скопить такую коллекцию, да ещё и пополнять её, когда материал регулярно расходуется, потребовалось много времени уделить работе, больших силовых и денежных затрат, но результат того стоил. Самое трудное было начать, и не опустить руки, когда, казалось, что собирательство будет тянуться бесконечно долго. Тара, в которой резвились препараты искусства, смотрелась как вытянутый протокоринфский арибалл, заменённый на прозрачное стекло современного лёд-стиля, стоящий на ножке из голов сине-металлических волков. Изделие, изуродованное течением времени, но так подходящее к окружающей среде проживания.

Высокие колонки с чистейшим звуком выпускали мелодии релаксирующих композиций. Язид в спешке движений с безмятежностью разума вышел из зябкого дома на котором возвышался флагшток. Трепыхающаяся тряпка белого окраса подавала знак окружающим, предупреждая их, что здесь проживает Бесчувственный ублюдок с ножами в предплечьях. У Язида имелось транспортное средство из девяностых. Жёлтое купе Олдсмобила предательски обманчиво замаскировалось под дружелюбного раритета. Номер 3 был до жути молчалив, даже слишком молчалив, не общителен и не обаятелен, созидатель с рождения, лучший правитель всякого становления.

Магазин с продуктами раскрывал раздвижные двери ров-

но в шесть утра. Большой МОЛ полыхал афишными заголовками – РАСПРОДАЖА СКИДКИ АКЦИЯ АКЦИЯ АКЦИЯ, словно проводя обряд с уклоном на призыв какого-нибудь Битлджуса¹ или восклицая трёхкратный талак. Язид въехал на бескрайнюю шестиутреннюю стоянку, припарковавшись рядом с единственной машиной, безмолвно зазывая её, – «Эй, детка, не хочешь развлечься?»

Двери открываются.

Проходя вдоль длиннющих стеллажей, набитых до пупа канцерогенами, химическими пищевыми добавками, глутаматом натрия, синтетикой и срощенными волокнами (все эти ингредиенты были обязательной крохой в любом штампованном товаре, лежащем на обездвиженных полках), Язид берёт два шоколадных батончика неизвестного бренда, но косящего под одну из популярных марок, две горячие булочки с малиновыми косточками, приготовленными на основе слоёного теста, так же достаёт один стакан из груды одноразовых собратьев и заполняет его кофейным напитком, сваренным кофемашиной. Дело сделано, хрсть-хрсть. Он бесшумно продвигается в обратном направлении. На пункте оплаты его уже ожидает заспанный кассир в организационной униформе с нелепым чепчиком на башке.

–Доброе утро.

Выиграл, проиграл, выиграл, липкая жидкость на лобке.

¹ Битлджус – герой одноимённой чёрной комедии «Битлджус» 1988 года, режиссёра Тимоти Бёртона.

Пип. Пип. Пип.

Номер 3 протягивает шрихкод выданный аппаратом, соседствующим рядом с кофемашиной.

Пип.

–Чёрный? Я не удивлён.

Кассир в ярком чепчике раскусил безмордого молчуна со стаканом обжигающей жидкости в руках.

Раскусил! Раскусил!

Номер 3 поехал на пост сторожилы, сменщик есть Правитель, кофе с утраца есть Спаситель, слойка с малиной есть Ублажитель.

Глава VI. Кушаю хвосты.

–Ну, ты позвонил Леме?

–Ну, нет.

–Ну так, звони!

–Ну-у-у. Да не хочу я звонить Леме, мне похуй на Леме, похуй.

–Ну, тогда я ей позвоню.

–Ну, мне похуй.

Дарья постучала по стеклу семидюймовой техники. Звончок прошёл на имя Леме. Гудки пускали волны нагнетания в раковины ушные. С десяток остановок погода, раздражитель замолчал, голос Леме отозвался в расковыренном ухе.

–Да.

–Леме!

–Ну, чего?

–Ну, тут с тобой кое-кто поговорить хочет?

–Ну, так слушаю.

Дарья протянула загоревшийся светом телефон. Рот отмахнулся, повредив летящую муху. Та с визгом упала, потеряв сознание на несколько минут, вскочила на все свои липучки и потопала, будто паук со знойного поля. Рот всё же с неохотой прислоняет жирную трубку к левой стороне головы, при этом почувствовав себя школьником, которого мама заставила сделать уроки.

–Леме?

–Ну.

–Ну, я бы хотел сказать... – он пожевал содержимое стакана: десятидневная сперма протухшего старикана, хранящаяся у него в пузырьке на подоконнике. – Ну, я согласен, блять.

–Ну и отлично, Рот, просто отлично... Ну, как там у вас дела? – Вопросы из-за хорошего тона ебались.

–Ну, хуёво, чё. – Рот немного опротивился.

–Ну, понимаю, ну, понимаю, ты главное соберись к началу мероприятия, окей? – Стандарт или в пизду?

–Ну, попробую.

–Ну, давай, до встречи.

–Ну, чао. – Рот нажал на красный, подсвечивающийся круг дьявола.

–Ну вот и всё, а ты не хотел.

–Ну, блять, просто, это так странно, она же Леме, а я ей звоню и говорю, блять, – «Ну я такой, ну я согласен, ну хуёво, ну так, ну сяк».

–Да всё хорошо, не грузись.

–Ну, ладно.

Подкидыш с западного побережья, Рот был известен именно так. Недавно их ТуТусовка расчленилась на звенья без организационного симпозиума, и теперь Рот чувствовал себя в очередной раз подброшенным наростом на тело диетической фотомодели с контрактом в вонючем Она, Моде или Ярмарке блядского тщеславия. Ваню, Хедрик и Жак ушли наверх, оставив на средней ТуТусовке Фелицию, Ци Рку, Диикту, О’Гила, в итоге, обозначив черту именами Дарья, Рот, Анджиджа и многих других. Но вонь от носков собственных с амфетамином жгла сильнее, чем нулевая черта из его имени.

–Ну, не переживай ты так. – Дарья несла в раздражённой вагине – мошонку из окруживших её парней. Бритость головного мозга подчёркивала в ней скинхеда на подтяжках, а рельефность черепа зацепляла мысли пляющихся о разложении до кондиции гимна химчисток, – «Чистые костяшки только у Дряблой Коряжки!» Но за лысой причёской скрывалась добродушная тварь, всегда готовая прийти на помощь нуждающимся.

Я был старше Дарьи на семь лет и изнасиловал её в тринадцать, но шли годы, а она по-прежнему относилась ко мне

хорошо. Если бы вы чуяли запах её не востребо­ванности, вы бы меня поняли. Я нигде официально не работал, перебивался быстрыми кражами у напившихся в барах. Пока те, ужра­тые, дрыгались частями тела под музыку, чувствуя себя тусовщиками и оторвами, парни, увлечённые дырами жертв, а девушки, заинтересованные противоположным вектором, я работал с бокалом пива в руке, проходясь небольшим смер­чем по висящим “украшениям” (для меня они именно укра­шения) на барных стульях. Я всего— то, выуживал себе из сумочек-курточек пару навороченных мобил и несколько полупустых кошельков.

Безусловно, он являлся одним из членов культа ТуТусовки и других, оставшимися безымянными, но разница между тусовщиком Р и тусовщиками А, состояла лишь в том, что он мог извлечь прямолинейную выгоду из сотоварищей по шумной толпе, в то время как те, повязли в наркоалкобуме и ближайших надеждах на спид со спермой.

Глава II.

Этапы. Всё разделено на этапы. Пожалуй, это можно срав­нить с кольцами на срезе дерева. Обрастаем новой кожур­кой из недели в месяцы. Проходим в турбинах панциря без прорезей для лапок, головки и хвоста, всё реже перескаки­вая на очередной этап. Инстинкт говорит не совершать то­го, о чём пожалею, но я с ним, конечно же, не согласен. Я

не верю ни во что, кроме самого себя. То ли я, что создало вас? Наверяд ли. Но я точно тот, кто может убить вас, и не единожды. Меня зовут Джакомо, возраст я скрываю, место рождения аналогично ситуации с возрастом, у меня чёрная левая рука, безупречные волосы и трезвый взгляд, а так же за плечами несколько трупов, сожжённых на кострах в глухих лесах, один теракт в Стокгольме, двадцать тысяч долларов анонимно пожертвованных детям с диагнозом ДЦП; по определению либерал, так как считаю, что на данный момент, это лучшая форма правления государством, имею чертовскую везучесть, гемералопию² (в моём случае к избыточной освещённости) и сложный взгляд на догматы, толкующие сложившееся общество, что надо/не надо делать, хорошо/плохо, вот так/по другому, нравится/фу, счастливо/терпимо/плохо, а если быть совсем уж кратким в догмах, то именно, – «Дерьмо».

Джакомо посмотрел в планшетный монитор, изогнутая кривая пошла ночным потухшим угольком вниз, хотя только что радостными криками она встречала высотный дождь из красочного фейерверка. Джакомо ошетинился, биржа его доконает.

Когда я жевал отвратительную мякоть дыни и кидал обглоданные неказистые корки в столичную реку (я намеренно выбираю самую страшную и желаю, чтобы она оказалась несъедобной, с целью – дабы другим достались вкусные и

² Гемералопия – резкое снижение зрения при ярком освещении.

симпатичные жёлтые овощи). Я отвлёкся, так вот, доедал я, значит, последний ромб, как вдруг, летящая на атмосферных крыльях ветра важнучедорогая визитка, врезается мне в спину. Вся так и пестрит минимализмом. Посередине большими буквами были выбиты имя и фамилия, видимо, инициалы сея персоны говорили сами за себя. Чуть ниже располагалось название оказываемой услуги и мобильный телефон.

Хирономо Плевако³

Адвокат

***** [Номер телефона]

Я не стал откладывать звонок на загадочное потом. Вытираю сладко-липкие руки о джинсы и набираю выдавленные цифры.

Телефон не раздался надрывистыми гудками. Как странно бы не звучало, но в самое сердце мозга ударила нота ми... один раз... два раза.

–Большинство заблуждается в том, что считает себя меньшинством. – Голос из динамика телефона.

Звонок завершился. Я подивился. Пёс облегчился. Этап заварился.

³ Аллюзия на Фёдора Плевако – всемирно известный русский адвокат и юрист. 1842-1909 гг.

Первенец.

На дворе стояли сутки, чёрт его знает какие. У меня давным-давно протекала канализационная труба, это я имею ввиду ту, которая направлена непосредственно из толчка в общий поток отходов, текущих после тяжёлого рабочего дня, а это – множество аппетитных кашек размытых плотным течением, пахнущие мочой, алкогольной отрыжкой, испорченными блюдами и кучами других продуктов для подземных организмов. К чему я вёл, вонь в туалетной комнате стояла жуткая, к тому же, толчок и ванна в моей планировке слились в единое помещение, да уж, мылся я редко. Благо на кухне красовалась широкая раковина для моей сверкающей жопы и среднего пошиба пениса, ударился я, как вы могли догадаться, в исламский этикет. Хе-хе. Запах от моих мясных предметов для испражнений раздавался за версту. Гели для отведённым им мишеням, я выставил в рядок, между мойкой и стенкой. Флаконы переливались разноцветными оформлениями, дизайнеры помещали наименования “вкусовых” качеств внизу тубика. В моём личном арсенале находились жидкости с экстрактами: мелиссы и недоспелой клубники, мягкого капучино с молотой корицей, иногда я пользовался мужицким ментолом, редко намазывался молоком с мёдом, лидеры по взаимодействию со мной по-прежнему оставались ваниль с грушей и папайей, ирис с маслом арахиса, и кокос с тортом «Наполеон».

Номер 1 после рассказа в зеркало о гелях для интимных мест, накинул тёмно-орехового цвета пальто, повилял лохматыми кудрями перед тем же нудным собеседником и вышел за дверь квартиры с множеством ароматов под хвостом. Сливочные полусветские улочки навевали бы у панков омерзение, но у номера 1 они равнялись платиновой медали, выигранной в соревновании за возможность здесь обитать. Фраппучино, посыпанный кокаиновой крошкой, продавали на углу французского бульвара Ньёстез Па Жуль. Номер 1 направил своё горло в этот тёплый, завёрнутый в большой размер уют со стандартной порцией посыпки.

Отличительная черта от остальных соличностей по телу, игралась с его мозговой задвижкой в злую шутку, у номера 1 просто не имелось имени, и сам он звал себя номером 1, не догадываясь о происхождении необычного наименования. Первенец кушал и занимался искусством, с не выданной, пока, жанровой биркой, ведь искусство не имеет ограничительной стоп-линии, так? «Мои работы – это рукописи Кафки», – говорил он про свои художества. Признаться честно, разок мне удалось углядеть его квартирку и род почитаемого труда. Зрелище не из самых приятных, поэтому мне лучше заткнуться в кулачок, покашлять три раза, плюнуть на питательную сиську и выкрутиться в двойной мостик. Фух! Не сглазил.

Мор энергии валил по плетённым жилам алюминиевых кустарников. Над садами из вольт-скованности возникло се-

мядушное затмение. Цветочные арки наглатывали без счёта. По нахождении в подобных обрамлениях возникала эйфория клаустрофобии, от которой, между прочим, доставляло больше, чем от косяка, набитым табаком и марихуаной. А по выходу из-под облачка виртуальности, тебя смазывало кубами цифровых сдвигов и передёргивало сильнее, чем электрические удары, бьющие по кончикам нейронов, после сами знаете чего. Номер 1 старательно избегал вышеизложенного парка для любых семей, людей почтительного возраста (любимое словосочетание “тактичного” общества) и современной молодёжи (куда же без неё), а интерпретировали парк, как «Комфортабельный унисекс, подойдёт и бобру!»

Полночь. Еле-еле прощупывающаяся пупырчатость пластмассового изваяния мощной фигуры, облепленной неземными мышцами, вгоняла в далёкие объедки предыдущего человека. Номер 1 свято верил в буддистскую брехню, ощущая себя переродившимся в тридцатом поколении. Однако, я до сих пор уверен, что реинкарнация лишь плод, образовавшийся под давлением человеческого нежелания верить, что после смерти ничего нет (впрочем как и любая другая псевдорелигия). Хотя, вынужден признать, «ничего нет» звучит довольно мистично, прямо-таки вынуждая сподвигнуть рабочий механизм мыслей в кардинально новый виток презумпций.

Глава IV.

Горьковатая бурда бултыхалась в гранённом стакане, купленным по уценке, ворочаясь против часовой, под воздействием оказываемой силы номера 4.

–Пить собираешься или подумать с видом на алкоголь припёрся? – Мужчина, одетый в выгоревший синий пиджак из вельвета, обратился к четвёрке, сам, при этом, выполняя не требующий промедлений спиртосодержащий глоток, пока не заметили предки.

–Да, ты, пожалуй, верно подметил, я пришёл, чтобы пол ночи зависнуть взглядом на одном стакане, пока черви плодятся под слоем коренной кости. Классный у тебя пиджак.

–Благодарю, я ношу его на протяжении полугода, надеваю на свои плечи этот вельвет каждый день. Нелегко добиться старости искусственным способом. – Подытожил мужик.

–Может и так, но ты старался не зря, результат того стоил.

–Довольно комплиментов, мы же не пара на ужине в доме у приятелей.

–Если прикинуть, мы не так уж и сильно отличаемся от той пары на ужине.

–Это ты имеешь ввиду этот разговор, сравнивая их пустую болтовню с нашей?

–Да. А ты понимаешь о чём я. – Номер 4 впервые одарил своим взором лицо соседа по угловой барной стойке.

–Ой, ну какое чудное рагу! А отбивная – просто пальчики оближешь. Ты постаралась на славу.

– Спасибо, спасибо, это рагу я сделала пока мой бойфренд лизал холодное влагалище пивной банки, а отбивная, честно признаться, вышла не самая лучшая из всех, что я готовила. – Пародии на голоса дамочек у них вышли забавные.

– Так что такого серьёзного привело тебя поиграться с жидкостью за пятнадцать баксов?

– Даже и не знаю, скорее всего ничего и привело.

– Вот как, так тогда у нас общий виновник.

– Да ты знаешь, не у нас одних, оглянись, все они пришли по этой же причине. Большинство в подобные заведения ходят как раз таки под влиянием этого виновника, просто не все это осознают. – Номер 4 повернулся, указывая тыльной стороной ладони на посетителей бара, что галдели без умолку, выкуривая сигарету за сигаретой, выпивая один бокал пива за другим и уписывая один унитаз за третьим.

Сосед последовал зрачками за архетипной указкой, досконально изучив объекты, вельветовый сосед допивает кружку пива с толстым резным стеклом.

– Мне всегда нравилось как мы, люди, анализируем, а зачастую попросту, болтаем о себе подобных. Для чего же, чтобы отыскать возможность уличить их в убогости и сказать своему потаённому другу-голосу, – «Я отличаюсь»?

– Конечно, а ты думал? – Четвёртый с небольшой насмешкой в тоне изменил направление оборотов, фьючерсно направляя стакан в противоположную сторону, будто бы уравнивая силы времени. Сосед это заметил, в его голове появи-

лась очередная тема для разговора, что вылетит со сквозняком и пылинками в форточку, где воняет сортир.

—А ты случаем не веришь в противостояние добра и зла, в хоть какой роли их проявления?

—Я уверен на сто процентов, ты знаешь мой ответ.

—Знаю. — Он поискал беглым взглядом бармена. — А уверуешь ли когда-нибудь?

—Нет.

—Ладно, пусть так, а какое у тебя имя? — Маскируясь под невзначай, спросил сосед.

—Олейн.

—Рэналф. — Носители имён поприветствовали друг друга молчаливым крючком воображения.

Рэналф махнул рукой повернувшемуся бармену, тот немедля подошёл к клиенту, ожидая принять свой девятьсот восемьдесят седьмой заказ.

—Повторите, пожалуйста.

—Одну секунду. — Бармен, очевидно, пребывал в приподнятом настроении, наливая пиво кому ни попадя, он раздавал вместе с ним, помимо орешков, свою энергетическую заряженность.

—Спасибо.

—Пожалуйста.

Рэналф отпил пива, испачкав усы в пене и быстро слизнув, он снова продолжил диалог.

—Так вот, зло и добро или добро и зло, кому как больше

нравится, не суть, на этом же я остановился?

– Да, на этом. – Как безучастный памятник в собрании встретившейся толпы знакомых, ответил Олейн.

– Вот. Если разделить *tempus* на сегменты до и после, и расценивать До как зло, а После как добро, или в обратном порядке, тут уж кому как ближе, и задать верующему во время и пространство вопрос по типу, – «На чьей стороне перевес, что сильнее, что продержится дольше, и кто в итоге победит или быть может всё останется в неподвижности бесконечной восьмёрки?», сумеет ли он дать вразумительный ответ? Ты сам веришь во время и пространство? – Выгрузил Рэналф.

– Пожалуй, по большей части скорее верю, чем нет.

– Хорошо, так дай мне ответ, и выпей, наконец, после этого, свой скотч.

– Допустим, я зафиксировал твою концепцию, но тогда возникает своё продолжение: каждое До и После, в кавычках «зло и добро», можно ещё разделить на множество делений из каждого пройденного или пока не пройденного отрезка *temporis*.

– Слушай, любому подвластно как угодно склонять эту парадигму, ты мне ответь на чётко поставленные вопросы.

– Ну, ладно, тогда я встану в отряд приверженцев за то, что После могущественнее и долговечнее, чем До, ведь как может прошедшая спичка быть сильнее, чем не родившиеся сигарета?

–Finem.

–Finem чего?

–Лично ты отождествил До как зло, После как добро и тем самым, решил для себя геометрическую формулу, составленную из химических элементов. И насчёт протекающего времени и насчёт Зло-Добро. А теперь, пей.

Олейн остановил круговорот стакана в природе, антагонисты созвездий пролили молочный односолодовый на втягивающее небо. Горло приятно обожгло, млечный путь феерично таял. Вельветовый синий пиджак испарился, напротив номера 4 стоят два опустошённых бокала из-под пива и один стакан из-под скотча. Он расплачивается за выпитое. Заходит в кабинку с обоссанным унитазом и заодно напольной плиткой, достаёт восемнадцатисантиметровый вставший член, кое-как справляясь с пробудившимся; и так же, как и все остальные до него, Олейн заливает горячей мочой плитку-унитаз-кроссовки-пальцы; звучит, кстати, как приговор; всовывает член обратно в брюки, звонко застёгивая молнию на ширинке. Зеркало трепетало лживыми сводками. *Нет, это не чушь, я не сумасшедший, Рэналф тут сидел, Рэналф тут сидел*, молитва прочитана, и Олейн выносятся из надоевшего бара.

А где бы тут Ту... (он икнул), тусануть? Странное словцо, но плевать, я пьян, а значит мне автоматически выдаётся право выдумывать слова и мочиться на газоны с сигаретой промеж губ.

Пиу-пиу.

Карманник – Иуда, сумочник – Иисус.

Не бодрое утро вставшее поперёк горла сумочника. Паркетные квадраты сами собой поскрипывали, оповещая домовладельца о непрошенном полтергейсте. Рот на удивление быстро проснулся и уже в десять часов чистил зубы за стёклами запотевшей кабинки душа. Смыв с себя вчерашний след наживы переходящий на сегодняшнее урчание в желудке, Рот пооткрывал все ящики на кухне, с острым желанием закинуть что угодно в тигриное недовольство. Надеясь на успех розыска, он быстро прошерстил каждую полочку, уделив им внимания ровно в две десятые секунды.

День повторился.

Посуда отсутствовала. Дарья ждала в подвальной комнатке, предназначенной для сборища ТуТусовки. По сути, они там только и делали, что страдали от незнания, бились над персональными понятиями сложных терминов, вроде: мировой линии, светлого конуса будущего, альтруизма, трансгуманизм и тому подобному; да курили травку, выращенную по особой технологии.

Рот проходя через клуб сотворённый в стиле гранж, врывается в сумрачный подвал, с дымом работающем на постоянной основе на должности старшего дизайнера.

По всему периметру комнаты гудели люди из ТуТусы, Да-

рья сидела на башне из паллетов, к руке как обычно прилипли сигарета и бутылка пива. Со стороны она смотрелась до неприличия одинокой, но если подавить желание тут же подойти со скорой безразличной заботой и не говорить что-то вроде, – «Чего ты такая грустная, не хочешь выпить со мной? Я угощаю!», а постоять и понаблюдать за девушкой, то можно без труда заметить, как отросшие щупы с присосками макаются в краску грёз, выполняя мазки на окружившем её панно из одеждо-дымящих людей. Я так и сделал, постоял и понаблюдавал, до того момента, пока клапан моего сердца не задрезжал второй скоростью ребристого вибратора, согревающий человеческую душу и не только.

–Ну, привет.

–Ну, saludo! – Новомодная приставка «Ну» в начале предложения каждого предложения (почти каждого), совершенно не сочеталась с желаемой интонацией, но на это всем было начхать.

–Ну как же я, блять, вымотался.

–Ну чего такое?

–Ну, короче, вчера, тусуюсь я, все дела, хуй знает какой по счёту играет трек, дорожка и выход в толчок. Ну, безостановочная сука тряска выпивает все мои потовые выделения, налезшие слой на слой, я не выдерживаю и ухожу на ближайший диван, мокнувший от дождя под бескрышной хренью...

–Ну.

–Ну и вот, там сидит чувак, на голове вроде сомбреро. Ну,

я у него спрашиваю, – «Сигареты не найдётся?»

–Ну, а он?

–Ну, а он, – «В Бога веришь?», – я на фабричном автоматизме отвечаю двойным вопросом на вопрос, как учили, – «Ну, а надо? Если да, то в какого?», – к этому времени его сомбреро заканчивает одиннадцатый трёхсот шестидесятый градусный забег. – «Хоть в какого», – весь обтекаемый водой сидит, мокрый как сука в постели у молоденького мажорчика, – «Ну, в бога ТуТуса, не более», – я рассмеялся, потом ощутил жжение под левой подмышкой, кровь хлестала из раны, все волосы прятавшиеся там, покрылись кровью, сомбреро нависло динозавром над моей рожей, мужик проносит в мою скукоженную щеку следующее, – «Ещё раз замечу, как твоё ебало снова занялось излюбленным хобби, во всех Богов одновременно уверуешь, ублюдок», – как ебучий питон прошипел мне в щеку. – Рот приподнял смененную рубашку и футболку, оголяя стройное тело и демонстрируя забинтованную подмышку.

–Ну нихера ж себе! Ну, а что за хобби он имел ввиду?

–Ну мне-то откуда знать, снова псих небось. Но теперь, я хочу узнать в какого Бога поверит его мозг, под вымокшим сомбреро.

–Ну и как ты собрался это проверить? Где искать?

–Ну дай мне подумать.

–Ну, может он мекс?

–Ну, неет, скорее наш.

–Ну, а лицо, лицо запомнил? – Музыка плавно украшала рельефный череп Дарьи, выводя всякие хрупкие рунические рудники, захороненные от взоров летописцев.

–Лучше некуда. – На миг, все гудящие сменили свои связки на волчьи и хором исполнили хит лунных животных, поприветствовав таким образом, вошедших Фелицию, Ци Рку, а так же О’Гила с косяком застрявшем промеж дыры в зубах. И быстро закончив звериную сонату, гудящие вернулись каждый к своему разглагольствованию о гносеологии. Мы тоже.

–Ну... о, а ты не забыл, что пообещал Леме?

–Ну, такое не забыть.

–Сегодня в девять ноль семь.

–Ну, в девять ноль семь. – Повторил он, получая никотиновые испарения в бинты под одеждой.

Средняя троица нас заметила и не проигнорировав присутствие нижних, пошагала к нам. Через пару секунд они уже сидели напротив нас, выдувая кегли любезности.

–Ну, привет. – Фелиция.

–Ну, здорова. – Ци Рка.

–Ну, как поживаете? – О’Гил.

Мы качнули борта голов туда-сюда, я наградил их опухшими веками, Дарья своим черепом, натёртым мастикой.

–Ну, как-то не очень ты выглядишь. – Обладательница самой большой дыры между ног, Ци Рка, сразу заметила моё опухшее личико.

–Ну, пиздец, короче, там такая историна приключилась...

–Ну, нам категорически похуй. – Фелиция. Забавный факт, все, кто продвигался по лестнице ТуТусовки, седлая более верхние дистанции, бесповоротно и полностью изменял своё отношение к низшим по рангу друзьям. Мы тоже.

–Ладно. – Фелиция с Ци Ркой ополоснули меня мечами, дабы я смог придумать, как повеситься на одном из холодных орудий. О'Гилу было, как всегда безразлично. – Ну, точнее, – «Ну, ладно». – Я нарушил хороший тон, и тем самым, подорвал гробницы родителей, что заделались волонтерами после смерти, обеспечивая пищей множество личинок не один год, между прочим.

Мечи по чехлам, виселица отменяется, пока. Девушки вульгарно встали, дел было совершенно ноль, поэтому они загорелись принять участие в обсуждениях о гносеологии. Рота до ужаса привлекала их властная жёсткость и пустые *oculos*, добывающие нефть для того, чтобы потом просто слить её в сточный теплотрассовый коллектор.

–Ну, пойду возьму пару грамм, ночь предвещает долгий трах. – Последний из троицы никак не мог накуриться. Мы тоже.

Девять ноль семь тикали в противоположном направлении, время обрело независимость от себя, даже мелочная вселенная с галактикой на плечах, не смогли препятствовать этому знаменательному событию. Цилиндрические хвостики бились в радостных конвульсиях, губы холодели, шар рас-

пирало, член врос обратно, сперматозоиды вылуплялись в гуманоидов. Но я убеждал собственное психологическое отделение мозга, что девять ноль семь на часах, является лишь детской мечтой, и никогда не проявится по настоящему. К моему сожалению, стрелки тикали и без часов и без моих представлений, не сбывшееся мечта напомнила о себе, удалась, и девять ноль семь обратились из будущего в настоящее.

–Ну-с, здравствуй. – Молодая Леме протянула бутылку водки. Я принял. Почему-то она отдавала сладостью, это я про Леме.

–Ну, я готов. Кстати, если тебе любопытно, то я могу рассказать кое-чего про Дарью.

–Ну... ах ты пронира, выкладывай. – ТуТусовка подчинялась ей, все наркотики, голограммы галлюцинаций, оазисы высоковольтной отрешённости, клочки переработанных миров, где чёрные кроты с иголками ничего не делают в развалинах чёрных стен, ползающие кроты с иголками не делают, идут, готическая бескрайняя сушь, погибшая планета охваченная туманом, шуршащая параллель переродившегося разума в рыбьем плавнике, я захвачен, твою мать!

–Ну, Дарья спит с Ваню, не шучу, она мне сама рассказала, когда мы гуляли после двенадцати. – Да-да, Леме с Ваню пара.

–После двенадцати, ты уверен? – Я, Рот, поясню. После двенадцати, означало, следующее – «Каждый член ТуТусов-

ки, говорящий с другим членом после двенадцати ночи, не имеет право соврать ему, и кто нарушит сей закон, будет навсегда изгнан из ТуТусы, и не примет больше нарушившего ни один культ, даже текуче-суицидальный», завет напоминал семинар по исцелению от коварной лжи, сворованный из чтива, подражающее библейским белым стихам, состряпанными под воздействием самопального опиума.

–Ну, да.

–Ну хорошо. Начнём. – Леме не стала распыляться на бурную реакцию. И кто пострадает сильнее Дарья или Ваню, пока остаётся гадать.

Она приступила к снятию пыльных джинс, задница неловко отпружинила, трусов на ней, конечно, не имелось, из вагины вывалился член, словно увеличенный клитор, что смотрит на тебя исподлобья своей горошиной, и отодвигая наросшую кожу, выползает на свободу обетованную. Происходящее далее, вам лучше всего опишет немая сценка Чарли, которую я не смог приписать тут, но могу высказать тремя словами – противно, противно, противно, сомбреро, добей! Плохо у меня с прогнозами на счёт слов, поэтому вот так.

По исходу скольких-то часов.

–Ну, молодец, Рот. – Пар от тел грел помещение, потихому просачиваясь сквозь всевозможные щели. Мы тоже.

Взрыв собак, кишечные палки из кишечника кинули кошкам, –«Апорт!», те бросились за не заслуженным призом. Деньги за оклад, добываемый из валюты, а это пойдёт за из-

речение философа? Привнесите в диалоги латынь и вы покажитесь умнее, чем есть на самом деле.

А жили ли хоть когда-нибудь те люди, которых мы зовём мудрецами? Существуют ли они? И почему их принято считать людьми, к которым надо прислушиваться, да чуть ли не богами в конце концов. Они такие же люди, таящие в себе мясо, да кости. Почему мыслителей вознесли в ранг осознающих этот мир и того, что он кроет в своём чреве, ведь нет правильного/не правильного суждения о происходящем. Мудрецы не изобрели бессмертие, не открыли шкатулки с секретами мироздания, не выдали доказательства своих слов, и того, что они мудрецы, однако их и по сей день чтят как великих людей, но я не ошибусь, Ли⁴, – «Мудрец покормил сиротку-птенца, мудрец отшельник, мудрец понимающий, мудрец умный, мудрец – он старое в новом... нет, забудьте этот вздор, мудрецов никогда не рождалось. Электрические плоды состряпанные фантазёрами, которых порадовали кличкой мудрец, всего-то, вычурная корова, чёрт побери».

Глава VII.

Вдохновитель мой – опавшие листья, израненные окурками круговорота в природе. Дана не шевеля отростками, плавно впускает в зрачок – онлайн фильм. Запах пончи-

⁴ Я обращаюсь к тому самому Ли, которого не стало в 1997 году.

ков неожиданно возник в носоглотке, механизм ухватился за данный файл и необратимая цепь тут же переключилась с предыдущих событий на «Два с шоколадной глазурью и карамельными крошками, два с банановой и один с сахаром». Личность номер 7 покачиваясь поднялась на ноги из позы «пользуйтесь, пока не включилась», потянулась так, что пресс успел набрать себе воздуха без фильтра из хлопчатой футболки с треугольным вырезом. Она издала парочку стон-ов, ознаменовав связи, что скоро им на работу.

А мой кабриолет неплох!

Она села на водительское место. Зажигание, радио болтовни и идиотической музыки, зеркало для приведения лица в относительный порядок, коробка на «ПОГНАЛИ, КРОШКА!»

Пончикова или её подобие во всю пыхтели над приготовлением заказов для посетителей.

–Добрый день. – Это молоденькая продавщица верно подметила, сейчас кровлю их сооружение грело дневное солнце, а не утреннее.

–Привет. – Дана обсмотрела висевший список пончиков, прочие мучные изделия её не интересовали. Меню внушало желанный страх, ассортимент поистине огромен. – Пятьдесят с мятой.

Зачем мне пятьдесят пончиков, сумасшедшая!?

–Все пончики, только с мятой? – Дану переспросили, я бы тоже переспросил, ведь кто в здравом уме попросит пончики

с мятой? Более гнусного кондитерского изобретения ещё не придумали.

–Ага.

–Пятнадцать минут придётся подождать. – Снова ждать, снова погибать.

–Окей. – Она вышла на крыльцо, помимо происходящего застоя уличных звуков, доносился ритмичный скрип качелей, мелодия несколько не раздражала, а напротив, вынуждала подыгрывать аккомпанементом, номер 7 согласилась и принялась подыскивать подходящие постукивания пальцами по периллу «Свежие пончики – дырявые попочки».

Через дорогу, на тротуаре показался человек, потом ещё один, третий, восьмой, счёт вёлся, цифры капали, понцы отгружали из масла партиями в десять штук.

Кое-чего я не совсем понимаю, например такое. С какой стати ИСС⁵ завербовали в послушники НЕ Здравомыслие, а дары от природы завесили под замок тюремной каши? Разве не в этом исконная задумка жизни, делать и видеть то, чего у тебя нет? Эй, мыслеэлектрики, подсобите!

–Ваш заказ готов. – Девушка не поленилась выйти и доложить мне об этом.

Четыре коробки и двойной лоток грелись калорийным теплом. Дана заплатила за тесто, ей не терпелось откусить от голубенького.

–Спасибо.

⁵ ИСС – изменённые состояния сознания.

–Приходите ещё. – В деньгах все нуждаются.

–До скорых встреч. – А лично вы, часто слышите, как покупатель говорит такое? М?

Она взяла всю массу махом, резво откинула жопой дверь из стекла и плюхнулась в тачку. Голод не заставил себя долго ждать, картонная крышка откинулась, солнцу показались двенадцать голубых с дырками, аромат уже кушал их, пока номер 7 наслаждалась радугой из одного цвета. Оценив масштаб, она засунула половину пышки в рот, жадно сжевав первенца, принялась к полноценной трапезе, голубые только и делали, что мелькали один за одним, не успев присытиться бременем бытия. Прохожие без номеров тарачились через свои модные очки, оставляя пару то завидных, то презрительных созерцаний. Но Дане-то плевать, Дана-то Будда. Вставка для непереводаимой игры слов, с веснушкой импликации, Дана-пончик-толстая-Будда.

Дана понажимала на кнопку с рисунком стрелки, которая отвечает за поиск радиостанций набитых рекламой с постоянными паузами между песнями.

-... передача в Бастилию. Сегодня, сеюсекундная рубрика под названием «Капля вырвавшаяся из чая», не волнуйтесь и не переключайтесь, выскажусь и заглохну. – За целые сутки, играющие треки прерывались лишь дважды. Это был первый перерыв за двадцать четыре часа. Радио позиционировалось как антиреклама, тут ты не услышишь о торговых центрах, мебельных пассажах, закусовых, моющих средствах, супер-

маркетах и прочего хлама. Никаких рвущих новостей, идиотских разговоров и звонков. Сплошь замечательная музыка в разных жанровых категориях.

Невидимый мужчина продолжил:

-Попробовать девяносто три десерта или вдоволь насладиться одним единственным, (который не даёт гарантии, что вам он придётся по вкусу)? Если кому любопытно, то я поклонник первого варианта. Так, ответе мне, вы смогли распознать тут Второе блюдо? Да? Значит вы по-прежнему человек. Радоваться или печалиться, или впадать в панику, решайте сами, возможных действий-то до низ...! Ухх, не забываем про цензуру, господа и дамы! – Задорно оправдался ведущий, – А? Чего? НЕТ? Не смогли? Ой, тогда собирайте вещички, такси я вызвал. – Он сделал перерыв молчания на десять секунд. – Вепрь Жрицы, прощается. Слушаем, не волнуйтесь!

«Радиоволновая передача в Бастилию» снова залила уши людей выкупленной музыкой.

Думы любителя бомб. [шучу]

-Всем привет, меня зовут Язид. Больше время у меня уходит на работу, а работаю я, самым обычным охранником в «МИГИ», со среднем уровнем зарплаты для трудового класса по нашему мегаполису. В дни, обозначенные для меня красным цветом, я только и делаю, что ищу интересные

марки, с необычными картинками на “обложке”, пропитанные любым психотропным веществом, (в основном экзотичные экземпляры прокапывают истасканным ЛСД). Семьи у меня нет, с родителями я уже долгое время не поддерживаю контакт. Представь, вот подходишь как-нибудь ты к охраннику в ТЦ, МОЛЛЕ, да где угодно, и спрашиваешь, – «А как пройти в Сказочный Рай?», однако прежде, чем решишь это сделать, ты должен осознавать, что этот нанятый торговым центром охранник, может оказаться Язидом, арабом и коллекционером.

Когда я был молодым, и по негласным общим законам мне следовало проявлять одержимость и страсть к чему-либо, допустим, будущему, сексу, видеоиграм, сатане, внедрению в подходящий мне коммуникационный фронт, бунтарству, депрессухи и прочему. Но вместо всего этого, мне довелось обойти недуг стороной. Я не был одержим ничем, нет, скорее даже, я был одержим ничем. И с тех пор, проведя неоднократный некорректный анализ прошедшего, ведь грядущего невозможно, я ударился скалкой, да-да, обычной скалкой, которой раскатывают всякую пищевую слизь, а после, мне пришлось в голову зайти в магазинчик специализированный на алкогольную продукцию и купить там небольшую бутылку виски. Ночка выдалась на удивление лёгкой и уютной. – Отражение в зеркале отошло от него. «На сегодня разговоров достаточно», наверняка подумал Язид. Он максимально близко прижался к гостю и смотрел истинными глазами в

своего зеленоглазого двойника до тех пор, пока не стал закуской иллюзии и не провалился в его овод целиком. Страшно.

Голод подпирал здравомыслие. Вся готовая пища на кухне закончилась, Язид всегда готовил только на одну порцию, дабы при разогреве, вкус блюда был испорчен. Супы он не стряпал, потому как на одну тарелку уходила уйма минут, жидкая субстанция являлась деликатесом, и готовилась по особому настрою.

«Суп – это йога, разница таится в том, что первое звучит не столь изысканно», – гласил эпитафия на первой странице кулинарного кодекса.

Готовка отрыгнула огненный поролон. Пропитанная запахами переваренных трапез, деревянная доска для резки, нарастила на свою спину новых прислужников, что предали метаморфозе по средству стали. Поделённые на половины длиннотелых, помидоры, возвышались не эргономичными островами со швами на литосферных плитах, а вымерший люд вечно популярной антиутопии, щемился в прохладной эссенции духов на верхотуре тоненьких кожурок. Цепкие сказочники наконец добились того, о чём без умолку и с шизофреническим упоением болтали. Время миллионными лет копило слой за слоем жир онтогенеза, в материнской утробе *universo*. И час настал, и хлынула пузырями магма кипятка, и разбрызгивала сопли цианистого водорода, под корень разъедающая лжечувство жизнедеятельности, полу-

чивших по заслугам духов. Пятитысячные моллюски снова отодраны от днища деревяшки, и теперь, со спокойным тканевым оперением, формируются новые, пылкие и вожделенные островки будущих биоотходов.

–Фу! – Передёрнуло номера 3.

Он смочил лимоном горящие от специй овощи. Жёлтый фрукт с язвенной оболочкой раздвинул ножки и брызнул кислой мочой на тушёные овощи в глубокой сковороде с антипригарным покрытием. Затем Язид врубил радио на телефоне. Музыка оказывала услугу, давая нужный ритм, ведь когда ты голодный, с превышающей скоростью перемалываешь бифштекс на ноже с острыми овощами на вилке, без скупости приправленные карри, чили и паприкой, тебе просто необходима шлюха Роксанна⁶ и её красные сосочки, отдающие по вкусу уличной спермой. Песня кончилась и из колонки прорвался мягкий бас.

-203.11 F.m Радиоволновая передача в Бастилию. С вами я – Честер, сообщаю информацию тем, кто впервые к нам подключился: не волнуйтесь, я внезапно пришёл и так же внезапно уйду, пару минут и продолжите слушать композиции. – Диктор томно покашлял. В студии стояла тишь, голос мужчины был чётким, лишние музыкальные вставки не играли, у слушателей могло создаться впечатление, что он заколдовывает их умы своими божественными связками.

-Сеюсекундная рубрика под названием «Опущенные лири-

⁶ Roxanne – песня группы The Police, ставшая в своё время хитом.

ки с лианами на запястьях». И так, экватор чёрной беспомощности – это 7087 утро, будто оно стояло вчера. Ты открываешь глаза для слёз, первый посетитель после ночного мини-отпуска, – «Снова проснулся... Повторение из раза в раз... Хочу умереть и французской музыки перед финишем», последующая мысль, вытекающая из молитвенного словосочетания, – «Не могу покончить со своей личностной тюрьмой... Не хватает сил, просто не хватает смелости выполнить главную цель всех жизней!», и пережевывая данное мне дерьмо на завтрак, я понимаю, – «Скотч в десять по полудню – ничего страшного, иначе ад достигнет быстрее, чем я сяду в машину и доеду до студии вещания». Возможно прямо сейчас я пьяный, но я сам себе начальник, поэтому мне наплевать, продолжаем слушать, продолжаем. – Голос прервался.

Глава V.

Около месяца всю царствовала амнезия, оккупировавшая клетки памяти. Все номера, за исключением Эгго, забывали свой прожитый вчерашний день. Номер 5 приостановил распродажу наркотиков, денег хватало вдоволь, тем более, тратить их было некуда, а беготня начала поднаедать. Он твёрдо был уверен, что-то затевается, причём без его ведома. Проведя последние недели в роли дедуктивного психиатра, Эгго обнаруживает на своём неосязаемом чердаке,

прожелтевшие лоскуты фотографий, что пропустили сквозь свои проявленные события, обескураживающие тайны номера 5. Записав на бумагу под диктовку всё, что проговорил внезапно возникший внутренний незнакомец, Эгго валится с ног, ибо заколоченная древняя истина про себя же, рубит сильнее потного палача и его намыленного агрегата. Номер 5 давно догадывался, что он не один (и я не про вселенную), но муторная работа не оставляла сил с толком поковыряться в башке, короче, сами знаете, какого оно.

Последующие мои дни провелись в основном под чтением эзотерических ритуалов и свечных тенях. Я брал обжигающий кофе и дёрганый амфетамин, садился на свой дешёвый диванчик и часами разговаривал с самим собой, в надеждах услышать кого-нибудь из сожителей по чердаку, но тщетно, я мог исследовать лишь тот единичный случай, когда отворилась номерная шторка загадок и ко мне ворвался внутренний гость, приказавший записать его изречения. Однако это не один из жильцов, а никто иной, как потерянный среди моего сознания, посторонний голос. Ладно, опустим ненадолго эту тему покрытую психическим мраком. Мне хочется рассказать вам о стонущих мыслях, которые я не имею возможности никому поведать, кроме вас. Не стану вдаваться в предшествующие этому событию, автобиографичные подробности из помойного ведра, потому как это не имеет особой нужды. Если целесообразно, то можно обозвать это психотерапевтическим сеансом с немим специалистом в вашем

обличии; некий инновационный подход к психиатрии; я выливаю слова на бумагу, а вы их пьёте, затем я прокручиваю ваши эвентуальные комментарии о написанном, тем самым, веду монолог психарь – клиент. В общем, спасибо вам за содействие! Перейдём к делу. После недавнего временного переезда с матушкой к бабушки в квартиру, я часто слышу их беседы на кухне, когда лежу на бедренных костях, сося алкогольную соску литражом 0,5. В соседствующей комнате, я погружаюсь в Размышления о чудовищах или в Дятленное пюре, в традиции доподлинного оккультизма или смехотворную критику атеизма, копаюсь в терминологиях, именах, учениях и историях каббалы, пока старшее поколение жуёт и обсуждает быт. Вот самую, что ни на есть обыденную бытовуху, от которой у меня выворачиваются наизнанку мышечные сгустки и коротит проводку, затем я покрываюсь синтетическим мехом и приступаю к поеданию кала обсуждаемых ими людей. В моём мешке ни в какую не укладывается, как можно постоянно болтать о пустяках, да ещё и с привеликим энтузиазмом! Вроде, – «Я ходила в магазин, хотела купить пирожных, а они оказались просроченными, представляешь? Я, значит, подхожу к продавщице...; Сегодня такая жара в электричке...; Что приготовить на ужин?...; Ну очень вкусно, спасибо, тебе хоть в кондитеры иди...; Взяла неделю назад талончик в больницу, а мне там...; Мы платим не маленькие деньги за коммунальные услуги, а такое чувство, что подъезды вовсе не моют! Ужас!...; Ноги но-

ют, кошмар!...; Ой, меня Саша на работе сегодня прямо вы-
бесила!...; Какая погода на завтра?...; У меня столько дел, я
элементарно разрываюсь...»

И всё в таком роде, вы смекнули, да? Зачастую, выстав-
ляемый на обсуждение важный (как они считают), вопрос,
подвергается сатаническим пыткам. До дыр измусоленный и
избитый по сто раз, полумёртвый вопрос, выползает с отруб-
ленным языком, выколотыми глазами и испепелённым ли-
тературным членом. Возможно вам интересно, как мы вза-
имодействуем между собой и уживаемся в одном помеще-
нии? Я могу ответить таким образом – единственное, что нас
может объединить вместе, в семейную кучу из пальцев, так
это свежая, развратная пицца. Несомненно, причмокивания
и стук челюстями гораздо приятнее, чем псевдоразговоры
о “респектабельных” заботах и личностных физических бо-
лячках.

Но эти истории свершались очень давно, вероятно и не
со мной вовсе или это сны, преследовавшие моё сомнамбу-
лическое бессознание на протяжении многих дней и ночей.
Даже не знаю. Прошу простить меня, за ваше потраченное
время. Буду ждать, пока кто-нибудь из подонков в мозгах не
покажется.

Урок №3.

Как поживали, мячемечтатели? Я провёл выходные про-

сто замечательно, заебись, по другому не поймёте. Так, ваш начинающий учитель Ф сегодня очень-преочень занят, поэтому лишних спросителей и докучливых объектов попрошу удалиться с моей площадки тренировок. Делайте как велено и всё наладится.

Сегодня супер важный урок. Мы будем, точнее, Вы будете осваивать три мяча. Не подведите мистера Ф, продемонстрируйте всю вашу заинтересованность в обучении, тренируйтесь до пятого пота, сукины дети! Переборщил? Не может быть.

Теорико-практическая часть:

Встаём в нашу привычную позу, без шуточек, Воффи! Встали, берём в ПР два мяча, в ЛР один мяч. Рука с двумя мячами должна правильно взять их, для этого безымянный и мизинец держат первый мяч; указательный и средний палец поддерживают второй. Дальше, из ПР подкидываем снаряд в сторону ЛР (сохраняйте высоту, не подкидывайте слишком высоко, так вам будем сложнее освоить это упражнение), когда летящий мяч достигнет вершинной точки, Вы из ЛР выбрасываете мяч в направлении ПР (по аналогии со вторым упражнением), когда первый выпущенный снаряд из ПР достиг цели (ЛР) выпускайте второй мяч, оставшийся в ПР, далее ваш мяч из ЛР окажется в правой, а последний летящий снаряд вы поймаете ЛР (когда вы ловите второй мяч в руку, ловите его большим, средним и указательным пальцами). По итогам у вас случится обмен сторонами. Повторите

это же упражнение, но теперь в обратном порядке, стартуйте с двумя мячами из ЛР. Когда степень мастерства подрастёт, попытайтесь делать этот трюк без пауз, то есть, не ловить в конце упражнения два мяча, а запускать один из двух снарядов дальше, по кругу.

Это будет довольно непросто, не падайте духом, бейте मुदाка по яйцам, не жалея времени и жидкости в организме. Доведите до консистенции робота, отточите ровные, нацеленные каскады и мы перейдём к следующему уроку. До свидания, метатели в потолок.

Глава IV.

Юла из крошечных выпуклостей около сосков вертелась на парковой лавочке, которые росли чёрте где, к тому же, на приличном расстоянии друг от друга. Олейн часто приходил в Национальный Свет Зелени, (но не чаще, чем в бар на Шварки-Центр), садился на подставку для задницы, перекручивал большеберцовые кости в нечто, отдающее позой лотоса, ворочал в ладони с места на место две, среднего размера, игральные кости, закрывал глаза и таким способом медитировал без какой-либо буддистской цели, как достичь всеобъемлющего бодхи, потешиться успехами в випашьяне или попросту отгородиться от внешнего сна и разлажаться во внутреннем бассейне с плавающими ментальными листьями, передающими изречения неизменного феномена

ДОСТИЖЕНИЯ. Смешанный лес из хвойных, кедра и дубов (можете представить себе такую красоту?) покрылся игольчатой плёнкой. Гиганты с растресканными стволами накрепко впились в кожицу земной коры.

В этом году осень наступила довольно рано, невидимый шумный дятел долбился об одно из многотысячных деревьев. Авторитетный лес изъявлял желание пахнуть грибными спорами, но, увы, кому не дано, тому не дано. Пока ещё тёплый южный ветерок приставал к волосам Олейна, реявших из стороны в сторону. За полчаса отсидки на лавке в структурной стадии "медитация без задней мысли", сидящего сына природы окутала светло-коричневая хвоя, отжившая свою сезонную сансару.

– Можно к вам присоединиться? – Нарушивший смиренный покой пострадает от естественного причинно-следственного неизменного закона. В этом конкретном прецеденте, нарушившего, ожидало плохое-плохое, а не плохое-хорошее. А куда же от этого денешься?

Олейн взял паузу верховного молчаливого пустомыслия и открыл тем самым глаза, дабы взглянуть, кого он собирается пригласить к себе на статичный променад. Окружённая деревьями худая девушка смотрела на причину кармического воздаяния (и не в следующем перерожденческом теле, а довольно в скором будущем, прямо в скором!) Прежде, чем Олейн выдал ответ дееспособного гражданина, он мельком успел оценить массу вещиц на её теле. Брюки с различны-

ми нашивками на передней части бедренной кости (ближе к надколеннику) и фиолетово-зелёными узорами по швам, подчёркивали стройность ног, распахнутое поношенное чёрное пальто с цветными манжетами висело, словно беки на польской шее, а под тонким пальто была кофта с каким-то принтом и торчащей снизу футболкой, поверх всего этого расположился лёгкий шарф в позе подковы, концы которого потягивались тканевыми тупиками к Почвенной фракции. Из бижутерии было около четырёх подвесок со своими амулетами, каждый из которых находился в ободке другой подвески.

–Я не против. – Олейн жестом продемонстрировал пустующее рядом местечко, не отводя зрачки от её легко заметных зрачков.

Девушка рукой смахнула нападавшую хвою, после чего присела. Извергнутое слово не заставило томиться в адском котле шепчущего южного ветра, что нёс семена без вести пропавших, в конце съеденными каннибалами за непроницаемой маскировкой.

–Надеюсь, я не помешала твоему ритуалу, похожему на медитацию?

–Нисколько. – Ему несомненно понравилось сказанное (подсевшая не назвала его процессию утвердительно – медитацией), но так же он понимал и то, что спокойствие от возни глистов в голове закончилось, что далее пойдёт либо занимательная беседа, либо встреча разочарует, либо она приняла

его за так называемую родственную душу и хочет убедиться (или разубедиться) в своём небесно-чувственном интуитивном миге. К слову, вы (читатель), знаете, наверное, как оно бывает, когда кто-то сел рядом с тобой в тот момент, когда ты занимался личностным деянием. Ты перестаёшь тотально быть там, в своём, часть твоего тела переключается на соседа и его чтение мыслей, в то время как ты уже забыл, где не так давно скрупулёзно пребывал или делал парашют, сконструированный из трусиков красивеньких девушек, находившихся внутри пасти Инчхона. Так вот, это тот самый случай.

Олейн не стал вновь закрывать глаза.

–Так ты и вправду здесь чем-то таким занимаешься?

Он распружинился в привычную позу обычного цветка (НЕ ЛОТОС), затем развернулся туловищем к ней, согнул правую ногу и закинул колено на скамью, руку набросил на спинку деревянного массива, изготовленного из лесных собратьев.

–Нет, совершенно не этим.

–Я так и подумала, что не этим.

Он слегонца улыбнулся, она ответила взаимной мимикой.

–Олейн.

–Марта. Скандинавские корешки?

–Угу, Прапрадед у меня Имир-лилипут, а прапрабабка Тёлка с жадой вкусить поскорее соли⁷.

⁷ Имир – первое живое существо в германо-скандинавской мифологии, инестый великан, из которого был создан мир. Аудумла – корова, которая появи-

–Знаменитые родственники у тебя.

–Ещё бы. Этот язык достался мне от вышеупомянутой прапрабабки. – Он высунул разгорячённый язык с ожогами по поверхности. Кружащая двойная игла метко приземлилась на внутренний орган.

Она мельком позволила себе подумать, как этот розовый свёрток со вкусовыми рецепторами, покрытый шершавыми сосочками, прилипнет к её набухшим половым губам, будет ласкать воспалённые нервные окончания и не отлепится до тех пор, пока она не исторгнет пахнущий нектар ему в слюнявый рот, и тот закончит акт орального блаженства – начисто вымыв её орган от липкой спермы.

–Язык достойной Коровы!

–Ещё бы. А ты прогуливаешься, наслаждаешься лесной аурой?

–В принципе, да...

–И... – Номер 4 обратился пронизательностью.

–И-и-и я пытаюсь заглушить мысли о ВОЗМОЖНОСТИ кое-какой веры; я атеистка, если что... по крайней мере, была.

–Получается, допустимость Бога, назовём это так, вгоняет в депрессию от которой хочется бежать?

–Не совсем, скорее подрыв прежних фундаментальных убеждений приказывает бежать от обломков разлетевшегося

лась вместе с Имиром и кормила его молоком. Адумула питалась тем, что лизала солёные глыбы Нифльхейма.

минерала. Свято придерживалась оно, а проходит время и ты перепрыгиваешь на допустимую вражескую территорию, будто бы промышляешь нелегальным предательством.

—Понимаю.

—А ты по какой части?

—Сейчас я на стороне полного суверенитета от окружающих вероисповеданий, но когда-то давно был завлечён буддистской и индуистской тематикой, ходил в круглых очках самсары, занимался достижением ниббаны, чтобы в конечном счёте прервать зацикленный круговорот перерождений в иллюзорном мире, высвободиться и шагнуть на ступень в бесконечное счастье паринирваны.

—Мы похожи.

—Так это и есть твой новообретённый любовник?

—Ага, но мне всё это кажется огромной шуткой, эти будды, санскритские доктрины, красивые термины.

—Хочешь знать лично моё, субъективное мнение по поводу дхармы и прочих, аналогичных религий? И я сразу подмечу, что основной концепцией все они схожи.

—Конечно, валяй.

—У меня есть несколько версий зарождения всех-всех-всех религиозных течений. И так как ты, Марта, до сей поры являлась воплощением атеистического скептицизма, тебе несомненно была близка одна из теорий или даже обе одновременно, поэтому вряд ли ты услышишь давече неведанное.

Марта откупорила заложенные простудой уши, натуральные пробки испарились вместе с летучими мышами, что отблагодарили её за дары и внесли идентификатор личности Марты (запах) на подкорку памяти, где её ИЛ попал в столбик «Благоприятные. Делимся».

Олейн продолжил:

—Сразу оговорюсь, что всякая вера трансцендентна, данный термин я расшифровываю для себя так, — любая говорящая неизвестность, без какого-либо подкрепления опытом. Слепое верование, основанное на возможном, человеческом вымысле.

У номера 4 затекла правая нога и он немного видоизменил позу:

—Первая версия такова. Они (люди, придумавшие свою веру, а первая теория основана именно на этом) сами возвели себе новейшие миры Истины. К примеру, избитое До — После, так вот Они сгенерировали страдания (грехи) для себя и других, а потом учредили способы избавления (искупления) от этих придуманных страданий (грехов). И по той же аналогии сколотили конечную цель, к которой нужно стремиться, дабы ты не попал в мучения страшные. И воссоздали Они тогда догмы (сутры, заветы, писания, и т. д.), некие праведные поступки (учения, правила и наставления на конечную цель), говоря тем самым, — «Следуй по нашей, подлинной тропе и в конце будешь вознаграждён неугасаемым светом блаженства за свою искреннюю усердность». Во все вре-

мена людям свойственно питать культ Больше, им мало фактического (реального) жизненного существования, им нужно Больше. Мало страданий на яви и достигнутого процветания (духовного, материального; у каждого своё) – Больше! Все основные веры идентичны. Если ты, ознаменуем грубым словом – “плохой”, то в конце бременной тяготы жизни, тебя ждёт Ад, Нарака, Жёлтые источники, чистилище, загробный мир и тому подобное; если же – “хороший” (смиранный, послушный, видящий), то – Пали-ниббана, Рай, Джаннат, Царство небесное... Суть первого суждения поймала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.